

RU

Варяго-русский вопрос в советской науке 1920-1930-х годов

Фомин В. В.

Аннотация. Цель исследования - показать, что «ультранорманизм» шлецеровского типа», поверженный в 1860-1870-х гг. С. А. Гедеоновым, но возрожденный трудами В. Томсена, Т. Ю. Арне и А. А. Шахматова, господствовал в советской предвоенной науке. Научная новизна исследования состоит в том, что в науке работы по данной теме отсутствуют. В результате доказано, что «ультранорманизм» господствовал по двум причинам: ввиду его изначального исповедования учеными, оставшимися после 1917 г. в СССР, и ввиду покровительства ему партийно-государственными органами, беспощадно борющимися с великодержавным шовинизмом.

EN

Varangian-Russian Issue in the Soviet Science of the 1920s-1930s

Fomin V. V.

Abstract. The study aims to show that “the «ultra-Normanism» of the Schlözer type”, refuted in the 1860s-1870s by S. A. Gedeonov but revived by V. Thomsen’s, T. J. Arne’s and A. A. Shakhmatov’s works, dominated in Soviet pre-war science. Novelty of the study lies in the fact that there are no academic papers on this topic. As a result, the author has proved that “ultra-Normanism” prevailed for two reasons: on the account of its original embrace by scientists who remained in the USSR after 1917 and its endorsement by party-state bodies that mercilessly fought great-power chauvinism.

Введение

Актуальность исследования диктуется необходимостью подведения детальных итогов (в том числе и по определенным периодам) в разработке ключевого вопроса нашей истории – варяго-русского. Задача исследования состоит в том, чтобы показать, что советская наука с самого своего начала твердо стояла на позициях норманизма и тем самым не только глубоко ошибочно толковала названный вопрос, но предопределила норманистскую сущность «советского антинорманизма», сложившегося во второй половине 1930-х гг. и ставшего обязательным для советских ученых. С этой целью используются методы историзма, объективности, проблемно-хронологический. Теоретическую базу статьи составляют работы советских исследователей 1920-1930-х годов. Практическая значимость статьи заключается в том, чтобы избавить современную российскую науку от тенденциозного взгляда и на проблему варягов и руси, и на историю разработки варяго-русского вопроса.

Основная часть

В советской историко-филологической науке предвоенных лет господствовал «ультранорманизм», который, как считал в 1931 г. эмигрант В. А. Мошин (2010, с. 43-44), похоронил «беспристрастный исследователь» С. А. Гедеонов (его монография 1876 г. «Варяги и Русь» «сильно пошатнула основания норманской теории»), но который, следует уточнить, возродили два потомка древних норманнов – датский лингвист В. Томсен (в 1877-1891 гг.) и шведский археолог Т. Ю. Арне (в 1914-1917 гг.), а в отечественной историографии закрепил в 1915-1919 гг. своим высочайшим научным авторитетом летописец А. А. Шахматов (Фомин, 2020; 2021).

Господствовал же тогда «ультранорманизм» потому, что на его позициях изначально твердо стояла марксистская наука как принято его характеризовать, первого русского профессионального историка-марксиста М. Н. Покровского. Иначе и быть не могло как в силу всеобщего убеждения в незыблемой истинности норманской теории, так и по той еще причине, что одним из учителей Покровского во время учебы в Московском университете являлся В. О. Ключевский (1983) (наш выдающийся историк где-то в 1870-х гг. назвал «все эти ученые усилия разъяснить варяжский вопрос... явлением патологии»). Он утверждал, что, «собственно, равнодушен к обеим теориям, и норманской, и славянской, и это равнодушие выходит

из научного интереса» (с. 113). Но абсолютно равнодушным он, разумеется, не был, ибо в своих работах отстаивал и развивал норманизм. Причем его выводы, видимо, и пробудили у Арне идею, получившую широкую поддержку у нас и за рубежом, о массовой колонизации Руси норманнами, прежде всего шведами: якобы уже в X в. «шведские колонии» «расцвели» там повсюду вдоль торговых путей, которые в IX-X вв. были «путями викингов», в ходе колонизации основавших Киев и создавших государство, в котором составляли господствующий класс, управлявший славянами и финнами).

Поэтому у Покровского (1915, с. 55) и не было, разумеется, никаких сомнений в «истинах» норманизма, которые уже сам излагал в 1915 г. в «Очерке истории русской культуры»: что наши предки именовали шведов «Русью», заимствовав этот термин от финнов, что финское название «Руоцы» происходит от древнешведского *rother*, означавшего «греблю», «морскую поездку». И свое видение варяго-русского вопроса он перенес, несмотря ни на революции, ни на гигантские изменения в общественно-политической жизни страны и ни на свое довольно скептическое отношение к достижениям предшествующей историографии, в советскую науку, утверждая при этом, что Русь возникла не в результате внутреннего развития, а явилась следствием «внешнего толчка», данного норманнами, в итоге создавшими Киевскую державу. Вначале ученый говорил о заключении восточными славянами с призванными варяжскими князьями «ряда» в интересах обороны «от прочих норманских шаек», а затем вел речь о завоевании норманнами русских земель «в его более мягкой форме, когда побежденное племя не истреблялось, а превращалось в “подданных”».

Он также уверял, что на Руси скандинавы промышляли захватом и продажей рабов, являлись «рабовладельцами и работоторговцами» (первые русские «государи» есть предводители «шаек работоторговцев»), создавшими «рабовладельческую культуру, яркую и грандиозную». Полагая, что города на Руси «образовались малопомалу около стоянок работоторговцев», Покровский резюмировал, что «шведы составляли первое время господствующий класс этого городского населения» («имена первых князей и их ближайших помощников, бояр, сплошь шведские», слова «князь» и «витязь» происходят, вторил он, вслед за Ключевским, от шведских «конунг» и «викинг») (Покровский, 1910, с. 58-59; 1915, с. 54, 56; 1920, с. 20-21; 1931, с. 22-23, 37). Позиция, как его окрестила эмиграция, «советского Карамзина» (Чернобаев, 2001, с. 451) настолько выразительна, что не оставляет сомнений в ее оценке даже у активных сторонников норманской теории. По мнению норвежского историка Й. П. Нильсена (1992), он есть «отъявленный норманист в своих взглядах на Киевскую Русь» (с. 37, 44).

Однако в советское время Покровский являлся не столько ученым, сколько главой всей советской исторической науки и тем самым в значительном степени определял линию ее генерального развития. Тому во многом способствовало его положение в иерархии партийно-советской номенклатуры высшего звена: с мая 1918 г. и до своей кончины, последовавшей в апреле 1932 г. (урна с прахом историка была установлена в Кремлевской стене), он был первым заместителем наркома просвещения РСФСР, председателем президиума Комкадемии РАНИОН, бессменным руководителем Государственного ученого совета, членом Комитета по заведыванию учеными и учебными заведениями при ЦИК СССР, ректором Института Красной профессуры, председателем Общества историков-марксистов, заведующим Центральным архивом РСФСР и СССР, членом редколлегии ряда научных журналов, академиком. И эти важные административные посты позволяли ему держать «в своих руках все нити управления разветвленным научно-организационным аппаратом в области изучения и пропаганды знаний по отечественной истории» (Аргизов, 1998, с. 77-78; Чернобаев, 2001, с. 450-453). Поэтому его взгляд на начало Руси получил в науке широчайшее распространение и прежде всего посредством его пятитомной «Русской истории с древнейших времен» (после смерти автора она вышла уже восьмым изданием), а советская творческая интеллигенция вырастала на его «Русской истории в самом сжатом очерке», основном учебном пособии тех лет, неоднократно выходявшем в свет, начиная с 1920 г., в котором, например, декларировалось, что «Русь» – это прозвище, «которое финны дали шведам, приехавшим в Финляндию через Балтийское море» (Покровский, 1931, с. 23).

Позиция Покровского в варяжском вопросе принималась практически всеми тогдашними советскими учеными (за исключением, видимо, только В. А. Пархоменко) еще и ввиду того, что они также изначально – с гимназических и студенческих лет – являлись убежденными сторонниками «ультранорманизма» и потому активно содействовали его закреплению в формировавшейся советской историко-филологической науке (на закреплении тех же настроений в самых широких кругах советского общества работала, как и до революции, художественная литература. Так, с 1931 г. миллионам читателей массово издаваемого «Золотого тельца» запомнился портрет норвежского писателя с «большим варяжским носом» (Ильф, Петров, 1975, с. 237)). Историк, академик С. Ф. Платонов в 1920 г., опираясь, по собственной оценке, на «доброкачественное научное построение» А. А. Шахматова о давнем существовании в пределах Северо-Западной Руси шведской руси, «укрепил» его гипотезу о «варяжском центре на южном берегу Ильменя» (район между р. Полистью и Полою), увязав многочисленные «древние» «русские» названия этой местности со скандинавами. Через два года лингвист Н. М. Петровский заключил, рассуждая о книге Шахматова «Древнейшие судьбы русского племени» (1919), что в вопросе о народности Рюрика невозможна иная точка зрения, кроме норманской (Платонов, 1920; Петровский, 1922, с. 369).

И эта точка зрения, действительно, не могла быть иной, в связи с чем присутствие скандинавов в русской истории «подтверждали» даже их «пребыванием» в Константинополе. Так, русское название «Суд» залива Золотой Рог, разделявшего город на две части, «сложилось и узаконилось, – по мнению крупнейшего знатока византийских памятников В. М. Истрина (1922), изложенному в 1922 г. и “примирявшему” разные точки зрения, – под влиянием двух сил». И стало обозначать «весь Босфорский пролив, точнее – берега пролива»: из греческого *σοῦδα* (из латинское *sudas*) – «ров, ров, укрепленный тыном», т.е. название береговых укреплений, перенесенное

на залив, и скандинавское название всякого пролива *sund*, которое, «впоследствии обратившееся в русском языке в “суд”, соединилось с таким же названием, идущим из греческого *σοῦδα*. Это военно-народное название “Суда” участниками походов приносилось на Русь, где оно из нарицательного имени становилось уже собственным, обозначая в представлении русского человека и самый Босфорский пролив... и берега пролива» (с. 292-293).

(А. Л. Шлецер (1816), говоря о сходстве «звука между Суд и древнемецким *Sund*» и почему-то последнее слово вложив в уста И. Н. Болтина, видел в Суде Босфор и понимал его как окоп, как греческое *σοῦδα* – «ров, обнесенный палисадом», т.е. тыном (с. 611-621). В 1810 г. И. Ф. Круг твердо сказал, что Суд – это есть «германское *Sund*». Вскоре такое толкование Н. М. Карамзин (1989, прим. 307) признал вероятным. В 1875 г. А. А. Куник убеждал, что «именно в начале нормано-византийского периода морская губа, отделяющая нынешний Стамбул от Перы (европейской части Константинополя. – В. Ф.), была названа *Sund* (без носового звука “Суд”)» (Дополнение А. А. Куника, 1875, с. 690). Однако Золотой Рог – это залив в районе соединения Босфорского пролива с Мраморным морем. Залив же на скандинавских языках – шведском, датском, норвежском – звучит не “*sund*”, а “*vik*”, от которого ряд исследователей производит слово “*viking*”, носители которого – опытейшие мореходы – не могли, конечно, перепутать залив с проливом. И потому либо они, либо их потомки одному из проливов Балтийского моря верно дали название, во второй части которого читается “*sund*”, – Эресунн, по-шведски *Öresund*).

Само же русское название «Суд» – а оно распространялось лишь только на залив, где располагался порт: русь Аскольда и Дира в 866 г. «внутри Суду вшедше... и в двюу сту корабль Царьград оступиша», Олег Вещий в 907 г. «приде к Царюграду; и греци замкоша Суд, а град затвориша», Игорь в 941 г. «Суд весь пожгоша», ответ Ольги императору под 955 г.: «аще ты, рьци, такоже постоши у меня в Почайне, якоже аз в Суду, то тогды ти дам» (Летопись по Лаврентьевскому списку, 1897, с. 20, 29, 43, 61), – можно спокойно интерпретировать как «место, где находится множество судов», прибывавших в столицу Византии из разных земель, что, несомненно, производило огромное впечатление на русских. «Суд, – все же задавался Н. М. Карамзин вопросом (1989), – древнее ли русское имя, означавшее *судовую* пристань?» (прим. 307). Стоит также упомянуть название р. Суда, впадающей в Шексну, которое А. Л. Погодин в 1932 г. связал с «финн. *Susi, Suden* (волок)» (с. 116)).

В 1923 г. филолог В. А. Брим, желая примирить норманизм с противоречащими ему источниками, в окончательном виде предложил свою теорию о независимом существовании на севере и на юге сходных названий «русь» и «рос». Придерживаясь мнения, что русью именовались варяжские дружины вообще, а не какое-то скандинавское племя, он поставил имя «Русь» в непосредственную связь с древнешведским *drôt* (толпа, дружина), от которого возникла форма *drötsi*. А уж от этой формы образовалось слово *drötsmenn* – дружинник, при заимствовании которого вторая его часть выпала, что и привело к возникновению термина “*Ruotsi*”. Прибывшая на Днепр северная русь оживила на юге давнюю традицию вокруг слова «Рось», которое появилось там весьма рано и держалось, вероятно, как народное имя, «покрывая собою сменявшие последовательно друг друга мелкие народности у Черноморья». В конце концов имя «Рось» «закрепилось за племенем, властвовавшим в Киевском государстве, за племенем с л у ч а й н о носившим похожее название “Русь”». Византийцы, стремясь связать «новое с древним», отождествили «Рось» с библейским «*Р’ῶς*», в результате чего появилась терминология «Русь-Россия» (как заключил в 1922 г. археолог А. А. Спицын, версию Брима нельзя принимать «без колебания. Представляется не вполне вероятным, что имя норманнов-руси и литве, и болгарам, и хозарам, и славянам, и грекам стало известным только в произношении суми, маленького невлиятельного племени» (с. 2, прим. 1)).

В 1925 г. известный историк и археолог Ю. В. Готье в труде «Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы до основания первого русского государства», призывая обобщать археологический материал и шире привлекать его для исторических построений, вел речь о «славяно-норманском» государстве в Восточной Европе, «которое затем с неизбежными, сменяющимися друг друга периодами процветания и упадка существует до наших дней». Полагая, что «по отношению к норманнам должен быть возбужден и поставлен... вопрос: как освещает археологический материал их роль и значение в деле строительства первоначального русского государства?», он пояснил: книга «Швеция и Восток» Т. Ю. Арне 1914 г., выводы которого популяризировал А. А. Шахматов, «приводит почти к той самой точке зрения, на которой стояли русско-немецкие академики XVIII столетия, т.е. что до прихода варягов там (на Русской равнине. – В. Ф.) не было никакой местной жизни и что создали эту жизнь варяги. Вряд ли с этим можно согласиться без оговорок». Отсюда вытекает, говорил Готье, но не идя дальше своих слов, «другая очередная задача как русских археологов, так и русских историков – пересмотреть выводы Арне и объективно решить, насколько они справедливы» (Готье, 1925, с. 7-8, 13-14, 18).

В том же 1925 г. А. И. Лященко озвучил мысль, в плену которой уже побывали, заведя туда других, А. А. Куник и Т. Ю. Арне, что Илья Муромец был скандинавом, ибо его прозвище говорит не о происхождении богатыря из Муромца, а о его связи «с мурманами, т.е. с норвежцами» (с. 60-61). Три года спустя в первом издании «Большой Советской Энциклопедии», вышедшей под редакцией в том числе члена Политбюро ЦК ВКП(б) Н. И. Бухарина и главного историка СССР М. Н. Покровского, в качестве марксистско-ленинской догмы крепко вбивалось в головы советских людей, что «варяги – др.-русское название скандинавов... <...> В середине 9 в. в Вост. Европе образовался ряд варяжских княжеств (главные – в Новгороде и Киеве). <...> Норманское происхождение первых рус. князей было установлено еще в 18 в., в нем не сомневались ни Карамзин, ни Погодин, ни Соловьев; но великорусский шовинизм чувствовал себя обиженным “немецким” происхождением перв. рус. “государей” – и с 18 в. тянется ряд попыток доказать “истинно-славянское” их происхождение. <...> Научного значения эти попытки не имели» (БСЭ, 1928, с. 46) (по мнению Л. С. Клейна, Покровский, «возглавлявший тогда историков-большевиков, увидел в “норманской теории” одно из удобных средств борьбы против великодержавного шовинизма и также встал на позиции норманизма – в этом духе выдержан его учебник

русской истории (Покровский 1933)» (Клейн, 1999, с. 92; 2009, с. 34, 114). Но на эти позиции он встал гимназистом, еще более закрепившись на них в годы студенчества.

Таким образом, если в начале XIX в. А. Л. Шлецер отлучил (и это ему во многом удалось) антинорманистов от науки, приписав им чувство ложно понятого патриотизма, то теперь от нее они отлучались, будучи уже обвиненными в более страшном и в совершенно непростительном с точки зрения пролетарской диктатуры грехе – великорусском шовинизме (а так тогда цинично характеризовали патриотизм), уже более 10 лет беспощадно вытравляемом мощным репрессивным аппаратом. В таких условиях быть объективным в рассмотрении варяжского вопроса значило быть политически неблагонадежным и могло привести (а такой угрозы никогда не было при, как тогда выражались, «кровавых» царях) к весьма чреватым последствиям. Это было понятно для историков той поры как дважды два (они и так, как представители «старорежимной» буржуазной науки, находились под постоянным подозрением в нелояльности к советской власти), что еще больше укрепило позиции «ультранорманизма», ставшего официальной позицией советской науки (причем борьба с великодержавным шовинизмом, имевшая четкую антирусскую направленность, быстро проявилась в археологии. Например, в том же 1928 г. А. В. Шмидт утверждал, что в работе А. А. Спицына «Расселение славянских племен по археологическим данным» (1899), как и в книгах И. И. Толстого и Н. П. Кондакова 1890 и 1897 гг., отводивших финским элементам, следуя взглядам того времени, пассивную роль, «ярко проходит славянская точка зрения: многие группы памятников, относительно этнической принадлежности которых были колебания, он приписывает славянам» (Шмидт, 1928, с. 187, 213). Так разговор о неславянском в русской истории, интерпретация славянского как неславянского стали входить в «моду»).

Параллельно с тем насаждалось – и не только в науке – самое нетерпимое отношение к антинорманизму и видным антинорманистам прошлого (в том числе к М. В. Ломоносову, несмотря на его «правильное» классовое происхождение из крестьян (Фомин, 2010, с. 275-276)). Так, М. Н. Покровский в «Русской истории в самом сжатом очерке» объяснял, что предание о начале «русского государства» варягами-норманнами «новейшие историки часто оспаривали из соображений патриотических, т.е. националистических: им казалось обидно для народного самолюбия русских славян, что их первыми государями были иноземцы» (Покровский, 1931, с. 22). В 1932-1933 гг. «Большая Советская Энциклопедия» внушала самым широким читательским кругам, что политическое лицо И. Е. Забелина есть лицо реакционера и великодержавного шовиниста, что Д. И. Иловайский – это верноподданный историк, мракобес-крепостник, «черносотенный популяризатор дворянской концепции русской истории», что его «История России» преследовала политические цели обработки общественного мнения «в монархическом черносотенном духе», а «Разыскания о начале Руси» не представляют научной ценности (БСЭ, 1932, с. 730; 1933а, с. 774). Иначе, разумеется, писалось на страницах той же энциклопедии в 1926 г. о Г. З. Байере: он – «один из первых серьезных исследователей» древнейшей русской истории, к разработке которой «подошел с научно-критической точки зрения», а в 1933 г. о А. Л. Шлещере: он приехал в Россию «во всеоружии новой западноевропейской учености» (БСЭ, 1926, с. 362; 1933б, с. 512-513).

В 1928 г. Ю. В. Готье вел речь о «сильном норманском элементе», составляющем «оригинальную черту» Тимеревского и Михайловского могильников близ Ярославля, сославшись при этом на мнение Т. Ю. Арне 1914 г., «что на месте Ярославля в IX и X веках существовала норманская колония или фактория» (по уточнению же Готье (1930), «норманский опорный пункт, где варяги, пройдя одну половину пути от Балтики до Каспия (или обратно), делали приготовления, чтобы предпринять вторую его половину») (с. 139, 141). Тогда же Д. Н. Эдинг, говоря об итогах раскопок Сарского городища 1924-1925 гг. на той же Ярославщине, констатировал: «Обилие скандинавских изделий в районе указывает на внимание норманнов к последнему». Но вместе с тем этому работнику Ростовского государственного музея оказался все же не свойственен «ультранорманизм», присутствующий член-корреспонденту Академии наук Готье. По его мнению, типично норманские предметы (а их к ряду «обильных», конечно, не отнесешь: «...бронзовая фибула, “обращенная” лунница, гребни, подковка, заклепка от лодки и бронзовый наконечник ножен меча») есть результат торговли, и они не дают «никакого основания утверждать господство норманнов над туземцами, – даже предполагать постоянное обитание варягов в городке; присутствие варяжского гарнизона должно было бы выразиться как другим составом находок, так и большим количеством иноземных вещей», и что «пути сношений Верхнего Поволжья с Волжской Булгарией представляются проторенными местным финским населением, м.б. в VIII веке, и уже по готовому следу двинулись торговые и разбойничьи предприятия варягов» (Эдинг, 1928, с. 65, 68).

Через два года Готье в монографии «Железный век в Восточной Европе» утверждал, характеризуя монографию Т. Ю. Арне 1914 г. как «чрезвычайно ценную и интересную работу» (выводы которой «были целиком и без критики» приняты в 1919 г. «в блестящем предсмертном труде» А. А. Шахматова «Древнейшие судьбы русского племени»), что норманны освободили славян от хазарской дани и с середины IX в. разъезжали «в самых различных направлениях по Восточной Европе», повелевали славянами, грабя и уводя их в рабство, что они проложили путь «из варяг в греки», который они полностью контролировали, и вел речь о Ладоге как «норманской твердыне при входе в Волхов», т.е. очень раннем поселении варягов, предшествовавшем державе Рюрика. Скандинавы, резюмировал он, «приняли очень видное и деятельное участие в создании первого русского государства, объединившего дотоле разрозненные племена и торговые города» (им «принадлежит первенствующее значение в сплочении восточных славян в одно государство»), и «для инертного и пассивного славянского населения норманны были тем возбуждающим и вызывающим брожение элементом, который было необходимо привить ему для перехода от разрозненного городского и племенного строя к более развитым общественным формам». Полагая русь в качестве одного из шведских племен («открытое» А. Л. Шлещером,

прилегающими областями»), позже в Киев и Византию. На Неве и у Ладоги скандинавы появились позднее открытия двинского пути – «только в начале IX в.», как это также следует из данных Арне. Участок пути, имевший главное значение для норманнов и «проходящий через Финский залив к Неве и через Волхов к великому волоку, ни в одном скандинавском источнике не описан». Но, несмотря на это, Брим не только определяет точное направление их поездок, но и даже частично восстанавливает «древние скандинавские названия отдельных его этапов». Ибо Ганза переняла от них как эту дорогу, так и «скандинавскую номенклатуру», передавая в латинском договоре Новгорода с готландскими и ганзейскими купцами, заключенном в 1269 г., и дополнением к нему «в другом нижненемецком документе от 1270 г.» «скандинавские термины близкими и родственными нижненемецкими словами».

Первым из таких «восстановленных» названий на пути, проходящем «через Финский залив к Неве и через Волхов к великому волоку», он привел Berko (Березовый остров на оз. Котлин, который шведы называли Björkö и который представляет собой весьма распространенное название в Ботническом заливе и «в Швеции на оз. Мелар, где на о. Бьёрке стоял торговый город Бирка. Этим же именем Björkö шведы, может быть, и называли “Березань”» напротив дельты Днепра), вторым – Retusaari (о. Котлин), третьим – Старую Ладогу (попутно информируя, что в ней, вероятно, «существовала довольно долго многочисленная варяжская колония, которая имела еще в XIII в. сообщая с немецким населением церковь св. Николая»). Далее скандинавы спокойно переходили через волховские пороги, а «волоки, выведшие из Ловати или Двины на Днепр, не могли представлять больших затруднений. Во всяком случае, на них нет никаких указаний в скандинавской литературе» (в 1929 г. Брим, также считая, что у скандинавов существовала своя собственная географическая номенклатура для всего великого торгового «пути из варяг в греки», представляя собой какой-то параллельный ряд к туземному и являясь иногда переводом, иногда фонетическим искажением местных географических терминов, ряд этот начинал со Старой Ладоги).

Вместе с тем исследователь был непреклонен в мнении, что в северной части Ладожского озера сохранились «сильные скандинавские укрепления», которые финский археолог И. Р. Аспелин в 1913 г. связал с конунгом Упсалы Эриком Эмундссоном. Потому как в саге об Олофе Святом «имеется известие о больших владениях Эрика на востоке. На народном собрании 1018 г. лагман Торган произнес большую речь, в которой он сказал: “Мой дед, помнивший упсальского конунга Эрика Эмундссона, рассказывал о нем, что он в молодые годы каждое лето выезжал в поход, посещал многие края и подчинил себе Финляндию, Карелию, Эстляндию, Курляндию и большие области на востоке. Еще до сих пор видны земляные валы и другие укрепления, им воздвигнутые”. Вот эти укрепления, уверяет Аспелин, и «находились как раз на северных берегах Ладожского озера». Следовательно, выстраивая на этой выдумке Брим свою новую выдумку, Эрик Эмундссон во второй половине IX в. мог владеть «некоторыми областями в северной части Приладожья».

Фиксируя «странное» обстоятельство очень малого числа скандинавских вещей, обнаруженных в Новгороде, Брим подчеркивал, с апелляцией к Арне, что «раскопки, произведенные в прилегающих к Новгороду областях, показали присутствие варяжских вещей почти повсюду в этих краях: вдоль течения Волхова, Сяси, Воронеги, Паши и Ояти». Согласившись с С. Ф. Платоновым, локализовавшим «остров руссов» восточных авторов в области «к югу от Ильменя, направо и налево от Ловати», которая в старину именовалась «Русью» и которая, «окруженная со всех сторон озерами, болотами и реками... напоминает собою как бы остров», отметил (демонстрируя, коим образом формируются «лингвистические» аргументы норманистов), что «на Каспле стоит город “Гаврики”, имя которого напоминает норманские Hawrik в Англии и Havre в Нормандии». «Археологические данные» свидетельствуют, заключал Брим вместе с тем, что в районе Смоленска «в IX и X вв. стояло сравнительно большое скандинавское селение» (т.е. Гнездово), игравшее «очень значительную роль в русско-скандинавских торговых движениях около 900 г.».

Считая, что южная часть «пути из варяг в греки», которая проходила по Днепру, была, видимо, открыта около середины IX в., Брим в то же время констатировал вопиющее несоответствие своих выводов с показаниями источников: «При громадном, прямо-таки исключительном, значении этой реки для варяжских передвижений совершенно непонятен тот факт, что имя ее не получило прочного оформления в скандинавской литературе и встречается там сравнительно редко», что «большое значение Киева» на этом пути «и вообще в системе русско-скандинавских взаимоотношений сравнительно мало отмечено», по сравнению с Новгородом, в скандинавских преданиях. В отношении «русских» названий днепровских порогов им было сказано, что именно В. Томсен «установил окончательно» их скандинавскую природу, а в «славянских» выявил южнославянское происхождение (Брим, 1929, с. 281, 284; 2002).

Свое кредо в ключевом для нас варяжском вопросе историческая научная элита СССР четко выразила на рубеже 1920-1930-х гг. тем, что объявила норманизм, видимо, по примеру «всепобеждающего» марксизма-ленинизма, единственно правильным учением. В 1928 г. А. Е. Пресняков в сборнике, посвященном памяти В. Томсена, годовщина со дня смерти которого стала поводом для широкого чествования в нашей стране норманизма, сказал, что «норманистическая теория происхождения Русского государства вошла прочно в инвентарь научной русской истории» (с. 46). Спустя два года Ю. В. Готье (1928) усилил этот тезис своим категоричным утверждением, что «норманский вопрос» «решен в пользу норманнов» (а антинорманизм «принадлежит прошлому») (с. 248). И тогда, наверное, только раз прозвучал, в резком стиле тех лет, голос, указывавший на политический аспект норманской теории.

В 1931 г. на страницах журнала «Историк-марксист» была опубликована своего рода «рецензия» И. Куршанака под названием «Как разрабатывают буржуазные историки идеологию интервенции. Проф. Ю. Готье. Железный век в Восточной Европе, 1931». И в ней Готье, как представитель «сменовеховской» буржуазной

интеллигенции, обвинялся, видимо, с целью объяснения и обоснования его ареста в 1930 г. по «академическому делу», в «великодержавности», в «великорусском шовинизме», в преувеличении роли норманнов на Руси, якобы «славяно-норманского государства», в подготовке «идеологии интервенции» против СССР «новых» норманнов, способных помочь «установить “военную деспотию”» (Куршанак, 1931). Тем самым Куршанак заострял в форме, далекой, конечно, от науки, внимание на политической, антирусской подоплеке норманизма, взятого на вооружение Гитлером, рвущимся к власти.

Критика норманнской теории была все же представлена в 20-30-е гг. в СССР. Так, в 1924 г. В. А. Пархоменко, говоря о ее однобокости, пытался доказать, что, во-первых, «норманны не могли жить среди восточного славянства такой массой, чтобы повлиять на культуру и государственность Киевской Руси... а потому не могли они и дать толчка возникновению здесь имени “Русь”, имени, известному тут ранее их прихода»; во-вторых, «ни исторически, ни географически имя “Русь” не имеет никакой связи с территорией постоянного поселения скандинавов». В-третьих, нам неизвестны момент и обстоятельства возникновения названия у финнов шведов «руотси»: «...оно могло возникнуть, например, в XI веке, когда скандинавы широкой волной вливались на восточнославянские территории и вместе с восточным славянством, так сказать в рядах его», впитали в себя это «старое библейское имя», данное нашим предкам византийцами не позже середины IX в. (имя же «Русь» заимствовано из греческого Ρῶς).

Рассматривая теорию В. А. Брима, Пархоменко поставил под сомнение ее историческую достоверность, т.к. она «предполагает слишком раннее массовое утверждение норманнов на русской территории». Но вместе с тем отметил, что она порывает с «бесплодным севером» (надо искать и «на тучной ниве юга и востока, где искать, правда, вообще труднее и непривычнее, но зато скорее можно ждать благоприятных результатов этих научных поисков»). В целом же ученый пытался доказать, что «вопрос о скандинавском происхождении имени “Русь” обследован до последней возможности и в конце концов привел ученых к стене, разбить которую нельзя остроумными гипотезами» (Пархоменко, 1924а, с. 54-56; 1924b, с. 71-74).

В 1934 г. в обширной статье «К варяжскому вопросу (местные названия скандинавского происхождения в связи с вопросом о варягах на Руси)» и затем в 1939 г. (материал увидел свет почти сорок лет спустя) норманист и крупный знаток скандинавских памятников Е. А. Рыздзевская напомнила принципиально важные факты, противоречащие норманнской теории, «что название Русь с норманнами эпохи викингов генетически не связано и что они у себя на родине так не назывались, достаточно убедительно доказывается отсутствием всяких следов этого термина, как своего, в др.-сев. сагах... и особенно в рунических надписях». После чего правомерно заключила: «Что у финнов шведы – Ruotsi, и каково происхождение этого названия – вопрос другой; др.-сев. языку и письменности термин Русь, во всяком случае, совершенно чужд». Ведя речь о «ценной», по ее словам, работе эмигранта М. Фасмера 1931 г., посвященной поиску “Wikingerspuren” («следов викингов») в восточноевропейской топонимике, вместе с тем исследовательница указала, что она вызывает «принципиальные возражения», т.к., во-первых, «местное название само по себе, даже если его можно удовлетворительно объяснить из скандинавского корня, еще не является прямым доказательством непосредственной связи со скандинавами, а тем более – их поселений на Руси». Во-вторых, «почти все построено на предполагаемых заимствованиях от скандинавов в IX-XI в.», а в-третьих, что едва ли есть основание видеть на Руси «широкое и планомерное колонизационное движение в том смысле, как его понимают многие западноевропейские ученые, представляющие его себе в государственном масштабе».

Констатируя, что варяжский вопрос осложняется своей тесной связью с вопросом о «Руси», о «термине “Русь”», Рыздзевская подчеркнула: этот термин «во всяком случае, не скандинавский. Эпоха викингов его не знает; в рунических надписях наша страна называется Гардар, в древнесеверной литературе – то же или Гардарики, а сравнительно редкое в ней Russia – термин книжный, взятый не из живой речи. В памятниках, написанных на местных языках, а не латинском, географические и этнические обозначения, производные от “Русь”, появляются не раньше XIII-XIV вв.». А указав, что «“Русь” из “Ruotsi” безусловно в фонетическом отношении», заключила: корень «рус»-«рос» с первой половины IX в. связан тесно «с югом, с относящейся к нему географической и этнической терминологией, при полном отсутствии его в таких районах северной полосы нашей страны, как Приладожье и Верхнее Поволжье», что происхождение термина «варяг» пока не установлено окончательно и что скандинавское влияние на древнерусский язык было сравнительно невелико.

При этом под тем же влиянием Арне, под которым находился Фасмер, говоря, что «скандинавских вещей найдено на нашей территории, как известно, очень много» и что Гнездово считается, здесь Рыздзевская уже повторяла археолога В. И. Равдоникаса (в свою очередь продублировавшего в 1930 г. идею Арне в книге, вышедшей в Стокгольме на немецком языке: «Норманны эпохи викингов и Ладожская область»), несомненным постоянным «норманским центром» (видимо, за этот труд он и был избран в 1936 г. действительным членом Норвежской Академии наук). Но одновременно исследовательница констатировала: в зарубежной литературе вопрос норманнской колонизации Руси «особенно выдвинулся за последние 20-30 лет. В первую очередь для него используется археологический материал: каждый факт наличия норманских вещей в погребении или в составе случайной находки принимается как лишнее доказательство широкой норманнской колонизации на Руси». Хотя предположение это «ни в какой мере не оправдывается археологическими находками», которые распространялись посредством торговли или изготавливались по образцам на месте.

Коснувшись топонимического материала, который, согласно западным ученым, якобы также подтверждает идею о широкой норманнской колонизации на Руси, Рыздзевская отмечала, во-первых, что названия крупных русских городов не связаны с норманнами, потому как не были ими основаны: «Это – факт несомненный».

Во-вторых, большая часть множества названий более мелких пунктов «оказывается весьма сомнительной. Одни названия явно более древние, чем эпоха викингов... другие ближайшим образом объясняются из русского языка и его диалектов; и, наконец, остается сравнительно небольшая группа таких, которые действительно можно возводить к скандинавским личным именам. Но значит ли это, что и носители этих последних имели соответственное этническое происхождение? Подобные имена входили в состав древнерусской ономастики и держались до XIII-XIV вв.». Однако сама же, что показательно, данные шведа Р. Экблома (которыми тот в 1915 г. поспешил лингвистически «подтвердить» теорию Т. Ю. Арне) и М. Фасмера дополнила порядка 220 названиями местностей в Восточной Европе, по ее мнению, производными от 54 скандинавских слов, в основном личных имен. И в «русских» названиях днепровских порогов она видела скандинавские, полагая, что это были места, через которые шли норманны и «хорошо знали из своей практики поездок по днепровскому пути. У них, следовательно, могла установиться и своя номенклатура для наиболее трудных и опасных точек» (Рыдзевская, 1934, с. 485-486, 491-532, 609-616, 618, 620, 626, 629-630, прим. 1 на с. 628; 1978, с. 135-136, 140-141).

(В 1945 г. историк С. Б. Веселовский, справедливо акцентируя внимание на том, что «самым слабым местом топонимических исследований была – и в значительной мере остается до сих пор – слабо разработанная методика», что, за редким исключением, время возникновения топонимического материала неизвестно, как неизвестно и его происхождение, резонно подчеркнул: что совершенно недопустимо неразборчивое его собирание и употребление без предварительной критики, что «следует осудить и оставить часто употребляемый исследователями прием произвольной выборки топонимических терминов, не считаясь с местом их нахождения и окружающими их терминами», что «особенно упорно грешили и грешат в этом отношении филологи»: например, выводы академика А. И. Соболевского по названиям рек «часто вызывают сомнения, кажутся необидительными, а иногда вызывают даже недоумение», что прежде всего необходимо «постараться установить правильную форму термина», чаще всего дошедшего до нас в измененном или искаженном виде, что особенно характерно для названий, заимствованных из других языков. Но филологи, акцентировал он внимание, не считают с тем, что названия крупных рек даны неизвестными народностями в древности, «отсюда всевозможные домыслы о финском якобы происхождении многих рек». Причем эти домыслы легко делать, т.к. «различные наречия древних финских племен нам совершенно не известны, как неизвестен разговорный... язык древних славян».

Указывая, что «метод выборки терминов по созвучию в самых разнообразных местностях и затем филологической их обработки дает небольшие результаты, большей частью весьма спорные», ученый подытоживал: «Максимальные достижения в этом направлении» как раз дает работа Рыдзевской «К варяжскому вопросу». Потому как «все исследование попадает в заколдованный круг объяснения одного неизвестного при помощи другого неизвестного», что при таком методе «ошибка в одном звене заключений делает непригодными все дальнейшее», что автор «методически вырывает топонимические термины из контекста окружающих их терминов», что филологи, в том числе Рыдзевская, «говорят обыкновенно вообще о “влияниях” на Русь других народов, о “следах” скандинавских влияний в топонимике, иногда рискуют говорить о “поселениях” скандинавов на территории Руси, оставивших будто бы следы в топонимике». Вместе с тем историк констатировал, еще больше демонстрируя условность топонимических «доводов» норманистов: «В виде общего правила названия, не связанные этимологически с именами и прозвищами лиц и не выражающие принадлежности селения тому или иному лицу, являются самым надежным свидетельством колонизационного происхождения термина» (Веселовский, 1945)).

В 1940 г. прозвучали мнения историка А. Н. Насонова и археолога М. И. Артамонова, в определенной мере имеющие антинорманистское содержание. Так, первый из них подчеркнул: «Не подлежит сомнению, что в IX в. как у византийцев, так и у арабов с представлением о “руссах” связывалось представление о Тавриде: руссов они представляли себе обитателями Тавра». Полагая, что «уже в первой половине IX в. и, быть может, ранее существовали руссы, осевшие в Крыму», заключил, что «у нас нет данных, чтобы распространить Черноморскую Русь IX в. на Таманский полуостров» (Насонов, 1940, с. 80-82). Второй, отмечая, что из финского руотси (шведы) «образоваться название “русь” не могло», указал на южное происхождение (по его убеждению, славянское) этого древнего этнического термина, на то, что в северном Причерноморье в первые века н.э. известны роксоланы, название которых представляет собой «скрещенное образование» из этнического обозначения «аланы» «и другого, тоже, очевидно, этнического имени “рокс” или “рос”. Несколько позже в наших источниках появляются росомоны; окончание этого племенного названия, по-видимому, того же рода, что и у приблизительно одновременных с ними маркоманов, и может быть отнесено за счет германской среды, через которую до нас дошел этот этнический термин. В сирийском источнике VI в. в Восточной Европе указан народ рос, едва ли не тот самый, который фигурировал в двух предшествующих названиях», а в первой половине IX столетия в византийских и других памятниках встречается термин «рос», «рус», связанный тесно с Поднепровьем, с территорией зарождающегося Киевского государства (Артамонов, 1940, с. 13).

Представленная критика норманской теории (лучше будет сказать, замечания в ее адрес) в СССР была крайне эпизодической, велась в основном с позиций норманизма (так, свои рассуждения Артамонов, завершал словами, что русь византийских и восточных авторов представляла собой не племя, а «социальную верхушку, стоявшую во главе военно-торговых предприятий. В состав этой верхушки входили и пришельцы-варяги, которые в известных случаях занимали даже доминирующее положение, играли первенствующую роль. Отсюда и отождествление руси с варягами, норманнами, которое как будто бы вытекает из слов Константина Багрянородного о названиях порогов, из противопоставления руси и славян у некоторых восточных писателей» (с. 13)). Потому она и не воспринималась, а минусы норманизма трактовались как несущественные

и вполне допустимые в научном процессе недочеты и издержки. И происходило такое по причине господства «ультранорманизма», принимавшего явное сходство с «ультранорманизмом» первой половины XIX в. (к тому же находившегося в Советском Союзе под патронажем партийно-государственных органов).

«Ультранорманизма», который продолжали насаждать, материализуя его своими находками, точнее, их интерпретацией, археологи, например, руководитель в 1934-1959 гг. (Кирпичников, 2003, с. 36) (с перерывами) раскопок в Старой Ладогe В. И. Равдоникас, во многом смотревший на русские древности глазами Т. Ю. Арне. Так, в 1933 г. в докладе на пленуме ГАИМК он, отвергая его теорию норманской колонизации Руси, повторил ряд ее положений: что в «гнездовском некрополе имеются и такие курганы, которые являются безусловно погребениями норманнов, что было мною выявлено путем тщательного сопоставления гнездовских и скандинавских памятников. Город возник здесь, следовательно, при каком-то непосредственном участии скандинавов» (многие курганы сходны по обряду со шведскими и содержат «такие свидетельства этнической принадлежности, как молотки Тора, подвешенные на шейный обруч»), что «наличие множества вещей скандинавского происхождения в приладожских курганах» проливает «свет на значение норманнов в процессе возникновения местного феодализма», что Ладога являлась «одним из древнейших опорных пунктов для норманнов в их торговых поездках на восток», что, согласно письменным источникам (но таковых нет!), «норманны появляются здесь еще в первой половине IX в., и с этим нельзя не поставить в связь происходившее как раз в это время превращение Старой Ладогe из примитивного небольшого поселения в город» (тем самым Равдоникас, по оценке И. П. Шаскольского, признал существование норманских колоний в Гнездове и Ладогe).

Вместе с тем археолог говорил, что в IX в. норманны в своих сношениях с финнами и славянами занимаются «больше грабежом, чем торговлей», «торговали награбленным добром и рабами на Волге – в Булгаре, по видимому, и прямо у хазар – и возвращались с добычей к себе обратно в Скандинавию», что в X в. картина взаимоотношений норманнов с туземным населением Восточной Европы резко меняется, «появляется множество вещей скандинавского происхождения в самых различных районах», что «классической для эпохи является фигура норманна, вооруженного с ног до головы профессионального воина и в то же время столь же профессионального и при этом расторопного, расчетливого купца», что на Русь они привозили в X-XI вв. «лучшее оружие» – копья, наконечники стрел, боевые топоры, щиты с характерными умбонами, франкские мечи, что интенсивное распространение среди восточных славян, «начиная с X в., скандинавской культуры и распространение, главным образом, при посредстве скандинавов, культуры восточной», что «торговля с норманнами и торговля вообще в высокой степени стимулировала расслоение рода у племен Восточной Европы», что вело у них к выделению господствующего класса, который в массе своей состоял, несомненно, из местных элементов, и немногочисленные норманны играли в нем роль руководителей военно-торговыми предприятиями, в частности организацией обороны (Равдоникас, 1934, с. 104, 118, 121-122, 125-129; Шаскольский, 1965, с. 100, прим. 14) (по заключению А. А. Хлевова от 1994 г., «этап 1930-1951 гг. с полным правом должен быть определен как “этап Равдоникаса”». Это центральная фигура историографии археологической норманистики», умеренный норманизм которой продолжил «традицию дореволюционной археологии» (с. 18). Все правильно, кроме определения степени норманизма, ибо она была практически безмерна).

(И. П. Шаскольский отмечал, что в 1930 г. Равдоникас на археологическом материале показал, что «никаких скандинавских колоний в Приладожье не существовало», однако при этом видел в Ладогe опорный пункт викингов в начале важных норманских торговых путей в Восточной Европе, что 1934 и 1939 гг. А. В. Арциховский «подверг критике утверждение буржуазных ученых о существовании норманских колоний в Суздальской и Смоленской землях, доказывая, что и здесь большинство скандинавских вещей найдено в погребальных памятниках, в которых захоронения были произведены по местному (а не по скандинавскому) обряду» Вместе с тем Шаскольский (1965, с. 100, 127, прим. 121) признавал, что эта критика не оказала никакого воздействия на позиции Арне и его последователей. Оно и понятно в силу не только их запрограммированности, но и того, что такая критика не ставила под сомнение ни норманство варягов, ни скандинавское происхождение очень большого числа находок, не имеющих к скандинавам никакого отношения).

По этой же причине в 1960-х гг. наши археологи начнут вести разговор о варягах-норманнах очень близким с Арне языком, лишь избегая слова «колонизация», потому как их признанный лидер А. В. Арциховский в 1966 г. твердо сказал, что «гипотеза о массовой шведской колонизации не подтверждается ничем» (с. 41). Избегали это слово произносить, но, как убежденные норманисты, держали в уме. В 1994 и 1997 гг. А. А. Хлевова, видя «важность» работы Арне в том, что она есть «самая первая сводка археологического материала, отражающего связи викингов на восточном пути», констатировал, что «1914 г. стал переломным. По существу, вплоть до 1960-х годов вся отечественная “варяжская” литература была, без преувеличения, “рефлексией на Арне”» (Хлевова, 1997, с. 16; 1994, с. 39-43). В 1999 г. историк Г. М. Коваленко не только подчеркнул, что он «для большинства его русских коллег, археологов и историков... оставался серьезным, авторитетным ученым», но и отметил (а данный факт многое объясняет в современном состоянии изучения варяго-русского вопроса), что «до сих пор российские археологи по-прежнему обращаются к его работам, не утратившим научной значимости». И вместе с тем выразил непоколебимую уверенность в том, а это уже проекция будущего и понятного состояния разработки того же вопроса, что «к ним будут обращаться новые поколения исследователей, занимающихся историей отношений между нашими странами» (Коваленко, 1999, с. 288, 292).

Тот же «ультранорманизм» параллельно утверждали и другие советские специалисты, приступившие во второй половине 30-х гг. к формированию, в рамках марксистской концепции генезиса Древнерусского

государства, «советского антинорманизма» (признание ими варягов норманнами сопровождалось, с цитированием классиков марксизма-ленинизма, отрицанием тезиса, что они создали это государство (Фомин, 2017; 2018; 2019)). Например, в 1936 и 1939 гг. новый лидер наших историков академик Б. Д. Греков своими работами, на которые тогда «равнялись» многие, растиражировал мнение шведов XVII в., которое закрепил в науке своим авторитетом А. Л. Шлецер, но которое затем аргументировано отвергли Г. Эверс, Г. А. Розенкампф и С. А. Гедеонов (причем с ними согласились два крупнейших норманиста XIX в. А. А. Куник и М. П. Погодин), что русь вышла из «Рослагена»: «Эта гипотеза кажется мне наиболее вероятной» (Греков, 1936, с. 169; 1939, с. 226).

А в первом томе учебника «История СССР» (1939) (а по нему познавали прошлое своей страны студенты исторических факультетов университетов и педагогических институтов), вышедшем в 1939 г., в разделе «Термин “Русь”» объяснял будущим «советским антинорманистам», что «Северная Русь, по-видимому, связана со Скандинавией, а именно с частью Швеции на северном берегу Финского залива – Упландом, к северу от озера Мелара. Прибрежная полоса, лежащая против Финского залива, называлась Рослаген (см. у Томсена)» (с. 91-92). В 1937 г. нумизмат Н. П. Бауер уверял, что норманны «прошли всю Восточную Европу вдоль и поперек, их же, вероятно, и разумеет Ибн Фодлан, говоря о руссах, что они массами накапливали диргеми и, набрав 10000 штук, одаривали жен своих цепями. Норманны доставляли эти же диргеми в огромных количествах к себе на родину, а также морем в Польшу и к другим западным славянам» (с. 226).

Позже были впервые изданы дореволюционные «Лекции по русской истории» А. Е. Преснякова (ум. 1929), которые он читал студентам Петербургского университета и в которых объяснял, что составитель Повести временных лет отождествил русь («название норманнов») с варягами (так сами себя называли скандинавы второй волны колонизации: «...первоначально дружины скандинавов, приходившие в среду восточных славян со своими конунгами-викингами-князьями»), что славяне узнали скандинавов через посредство финнов, заимствовав от них имя «Русь», что «возникновение “скандинаво-русской государственности” на севере могло дать толчок и опору более широкому “движению варягов в Россию, на Восток и в Византию”», что в византийских и восточных известиях «варяги, новые выходцы с севера, слились с русью, давно знакомой», что «скандинавские элементы деятельно участвуют в судьбах Восточной Европы» (варяги проходили по ней «то мирно, то бурно, будоража местную племенную жизнь, втягивали местное население в более сложные международные отношения»), что «к 860 г. уже существовало на юге, с центром в Киеве, русское княжество», что тогда же, «надо полагать, на севере уже водворились варяги – их центральным пунктом была, по-видимому, Ладога, затем Новгород», что на месте старого русского княжества в Киеве Олег основал варяжское, что «даже сведения о Скандинавии, Норвегии арабы излагают как сведения о руссах», что скандинавы-варяги вели деятельную торговлю по Волге «помимо связи с Киевом» до и после образования Русского государства (Пресняков, 1993, с. 281-294).

Заключение

Все приведенное в той или иной мере начнет звучать на исходе уже советского времени с его «советским антинорманизмом», но с особенной силой зазвучит в современной науке. В связи с чем стоит привести принципиально важное и весьма дельное наблюдение того же Преснякова, которое сейчас прочно забыто и в то же время заставляет задуматься о научной состоятельности норманнской теории, энергично им отстаиваемой: «Беда в том, что древнейшая шведская история еще темнее, чем наша русская. Письменных источников для нее вовсе нет, даже такого типа, как наша летопись. Скучные сведения добываются путем анализа саг, часто спорного... Рунические надписи дают лишь поздние сведения о русско-скандинавских отношениях, так как “обычай ставить надгробные надписи получил в Швеции широкое распространение лишь с начала XI в., когда массовый наплыв варягов в Россию уже прекратился”» (и филолог-эмигрант Ф. А. Браун (1925), стоит добавить, также признавал в 1925 г., что скандинавские источники совершенно ничего не дают для норманнской теории, т.е. она является плодом преднамеренных натяжек и недоразумений: «А имени “Руси” мы и по-прежнему не должны искать в Скандинавии: его там никогда не было, оно возникло лишь на русской почве. Мы должны помнить раз и навсегда, что шведская историческая традиция ничего для решения нашего вопроса не дает и... дать не может», ибо первые записи в Швеции появились «лишь в XIII веке» (с. 306-308)).

Следовательно, все массовые разговоры о варягах-норманнах у нас и за рубежом ведутся вслепую, по заданной еще шведскими норманистами XVII в. траектории (Фомин, 2005, с. 8-57, 436; 2013b; 2015), ведутся о том, чего не было и о чем не говорят источники. «Но, – как выражал позицию норманистов Пресняков, демонстрируя тем самым, что в отношении рассуждений о деятельности скандинавов на Руси нет вообще-то никаких границ и что пустоту шведской истории можно без проблем заполнять любыми выдумками, – лишь весьма мнимая научная осторожность говорит за несуществование того, о чем у нас нет прямых свидетельств в письменных и вещественных памятниках» (Пресняков, 1993, с. 283-284).

Но если нет научной осторожности (а мнимой она не бывает), то нет и самой науки. И это есть аксиома.

Источники | References

1. Артамонов М. И. Спорные вопросы древнейшей истории славян и Руси // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии наук СССР. М. - Л., 1940. Вып. VI.
2. Артизов А. Н. М. Н. Покровский: финал карьеры успех или поражение // Отечественная история. 1998. № 1.
3. Арциховский А. В. Археологические данные по варяжскому вопросу // Культура Древней Руси. М.: Наука, 1966.

4. Бауер Н. П. Денежный счет Русской Правды // Вспомогательные исторические дисциплины: сб. статей. М. - Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1937.
5. Большая советская энциклопедия (БСЭ): в 65-ти т. М.: Советская энциклопедия, 1926. Т. 4.
6. БСЭ: в 65-ти т. М.: Советская энциклопедия, 1928. Т. 9.
7. БСЭ: в 65-ти т. М.: Советская энциклопедия, 1932. Т. 25.
8. БСЭ: в 65-ти т. М.: Советская энциклопедия, 1933а. Т. 27.
9. БСЭ: в 65-ти т. М.: Советская энциклопедия, 1933b. Т. 62.
10. Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания: в 20-ти т. СПб., 1904. Т. 15.
11. Браун Ф. А. Варяги на Руси // Беседа. Берлин, 1925. № 6-7.
12. Брим В. А. Колбяги // Известия Академии наук СССР. VII серия. Отделение гуманитарных наук. Л., 1929. № 4.
13. Брим В. А. Происхождение термина «Русь» // Россия и Запад. Пг.: Academia, 1923. Вып. 1.
14. Брим В. А. Путь из варяг в греки // Из истории русской культуры: в 5-ти т. Киевская и Московская Русь. М.: Языки русской культуры, 2002. Т. II. Кн. 1.
15. Веселовский С. Б. Топонимика на службе у истории // Исторические записки. 1945. Т. 17.
16. Готье Ю. В. Железный век в Восточной Европе. М. - Л.: Гос. изд-во, 1930.
17. Готье Ю. В. Заметки о ранней колонизации Ростово-Суздальского края // Труды секции археологии: в 5-ти т. М.: РАНИОН, 1928. Т. IV.
18. Готье Ю. В. Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы до основания первого русского государства. Л.: Изд-во Брокгауз-Ефрон, 1925.
19. Греков Б. Д. Киевская Русь. М. - Л.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1939.
20. Греков Б. Д. Феодалные отношения в Киевском государстве. М. - Л.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1936.
21. Грот Л. П. О Рослагене на дне морском и о варягах не из Скандинавии // Слово о Ломоносове / сост. и ред. В. В. Фомин. М.: Русская панорама, 2012а.
22. Грот Л. П. Призвание варягов: Норманнская лжетеория и правда о князе Рюрике. М.: Алгоритм, 2012b.
23. Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.) (тексты, перевод, комментарий). М.: Наука, 1993.
24. Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (середина XI - середина XIII в.) (тексты, перевод, комментарий). М.: Ладомир, 2000.
25. Дополнения А. А. Куника // Дорн Б. Каспий. СПб., 1875.
26. Древняя Русь в свете зарубежных источников: учебное пособие для студентов вузов / под ред. Е. А. Мельниковой. М.: Логос, 1999.
27. Ильф И. А., Петров Е. П. Золотой теленок. М.: Художественная литература, 1975.
28. История СССР. Т. I. С древнейших времен до конца XVIII в. / под ред. В. И. Лебедева, Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1939.
29. Истрин В. М. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе: в 3-х т. Пг.: Российская государственная академическая типография, 1922. Т. II.
30. Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12-ти т. М.: Наука, 1989. Т. I.
31. Кирпичников А. Н. Древности Старой Ладogi в исследованиях Староладожской археологической экспедиции ИИМК РАН // Старая Ладога. Древняя столица Руси. Каталог выставки. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2003.
32. Клейн Л. С. Норманизм антинорманизм: конец дискуссии // Stratum plus. 1999. № 5.
33. Клейн Л. С. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб.: Евразия, 2009.
34. Ключевский В. О. наброски по «варяжскому вопросу» // Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. М.: Наука, 1983.
35. Коваленко Г. М. Туре Арне ученый и общественный деятель // Новгородский исторический сборник. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. Вып. 7 (17).
36. Куршанак И. Как разрабатывают буржуазные историки идеологию интервенции. Проф. Ю. Готье. Железный век в Восточной Европе, 1931 // Историк-марксист. 1931. Т. 21.
37. Летопись по Лаврентьевскому списку. Изд-е 3-е. СПб., 1897.
38. Лященко А. И. Былины о бое Ильи Муромца с сыном // Памятники древней письменности и искусства. Л., 1925. Вып. СХС.
39. Мошин В. А. Варяго-русский вопрос // Варяго-русский вопрос в историографии: сб. статей и монографий / сост. и ред. В. В. Фомин. М.: Русская панорама, 2010.
40. Насонов А. Н. Тмуторокань в истории Восточной Европы X века // Исторические записки. 1940. № 6.
41. Нильсен Й. П. Рюрик и его дом. Опыт идейно-историографического подхода к норманскому вопросу в русской и советской историографии. Архангельск, 1992.
42. Пархоменко В. А. Норманизм и антинорманизм (к вопросу о происхождении имени «Русь») // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук СССР. 1924а. Т. XXVIII.
43. Пархоменко В. А. У истоков русской государственности (VIII-XI вв.). Л.: Гос. изд., 1924b.
44. Петровский Н. М. О новгородских «словенах» (по поводу книги: А. А. Шахматов. Древнейшие судьбы русского племени. Издание русского исторического журнала. Петроград, 1919) // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук СССР. 1922. Т. XXV.
45. Платонов С. Ф. Руса // Дела и дни: исторический журнал. 1920. Кн. 1.
46. Погодин А. Л. Варяги и Русь // Записки Русского научного института в Белграде. Белград, 1932. Вып. 7.

47. Погодин М. П. Г. Гедеонов и его система о происхождении варягов и руси // Скандинавomania и ее небывалые о русской истории: сб. статей и монографий / сост. и ред. В. В. Фомин. М.: Русская панорама, 2015.
48. Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры: в 2-х ч. М., 1915. Ч. 1.
49. Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке: в 3-х ч. М.: ОГИЗ; Московский рабочий, 1931. Ч. 1-2.
50. Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен: в 4-х т. Изд-е 3-е. М.: Мир, 1920. Т. 1.
51. Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен: в 5-ти т. М.: Мир, 1910. Т. 1.
52. Пресняков А. Е. Вильгельм Томсен о древнейшем периоде русской истории // Памяти Вильгельма Томсена: к годовщине со дня смерти: сб. ст. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1928.
53. Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Киевская Русь // Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. Очерки по истории X-XII столетий. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М.: Наука, 1993.
54. Равдоникас В. И. О возникновении феодализма в лесной полосе Восточной Европы в свете археологических данных // Основные проблемы генезиса и развития феодального общества. Пленум ГАИМК 20-22 июня 1933 г. М. - Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1934.
55. Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX-XIV вв. // Древнейшие государства на территории СССР: материалы и исследования / под ред. А. П. Новосельцева. М.: Наука, 1978.
56. Рыдзевская Е. А. К варяжскому вопросу (местные названия скандинавского происхождения в связи с вопросом о варягах на Руси) // Известия Академии наук СССР. Отделение общественных наук. VII серия. 1934. № 8.
57. Спицын А. А. Археология в темах начальной русской истории // Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пб.: Огни, 1922.
58. Фомин В. В. Варяги и варяжская русь: к итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М.: Русская панорама, 2005.
59. Фомин В. В. Варяго-русский вопрос в интерпретации отечественных археологов дореволюционного и советского времени // Вопросы истории. 2021. № 5 (1).
60. Фомин В. В. Голый конунг. Норманизм как диагноз. М.: Алгоритм, 2013а.
61. Фомин В. В. История Руси глазами шведского археолога Т. Ю. Арне и его российских последователей // Манускрипт. 2020. Т. 13. Вып. 11.
62. Фомин В. В. К 400-летию юбилею начала норманской теории // Актуальные вопросы гуманитарных наук: теория, методика, практика. 2015. Вып. 2.
63. Фомин В. В. Ломоносовофобия российских норманистов // Варяго-русский вопрос в историографии: сб. статей и монографий / сост. и ред. В. В. Фомин М.: Русская панорама, 2010.
64. Фомин В. В. Норманизм как шведский взгляд на начало русской государственности // Государство и общество: взаимодействие и противостояние: материалы Седьмой региональной научной конференции (г. Воронеж, 4 февраля 2013 г.). Воронеж: Истоки, 2013b.
65. Фомин В. В. Норманистская сущность «советского антинорманизма». Ч. 1 // Исторический формат. 2018. № 3-4.
66. Фомин В. В. Норманистская сущность «советского антинорманизма». Ч. 2 // Исторический формат. 2019. № 1.
67. Фомин В. В. «Советский антинорманизм» на примере трудов И. П. Шаскольского // Гуманитарные исследования Центральной России. 2017. № 4 (5).
68. Фомин В. В. Фальсификация современного норманизма // Российская государственность в лицах и судьбах её создателей: IX-XXI вв.: материалы областной научно-практической конференции по проблемам гуманитарных наук (г. Липецк, 17-18 мая 2013 г.). Липецк, 2013с.
69. Хлевов А. А. Норманская проблема в отечественной исторической науке. СПб.: Изд. С.-Петерб. ун-та, 1997.
70. Хлевов А. А. Норманская проблема в свете археологических источников: автореф. дисс. ... к. ист. н. СПб., 1994.
71. Чернобаев А. А. Покровский Михаил Николаевич (1868-1932) // Историки России. Биографии: сб. ст. / сост., отв. ред. А. А. Чернобаев. М.: РОССПЭН, 2001.
72. Шаскольский И. П. Норманская теория в современной буржуазной науке. М. - Л.: Наука, 1965.
73. Шлецер А. Л. Нестор: в 3-х ч. СПб.: Издано в императорской типографии, 1816. Ч. II.
74. Шмидт А. В. Археологическое изучение древностей севера СССР // Финноугорский сборник: труды комиссии по изучению племенного состава СССР. Л., 1928.
75. Эдинг Д. Н. Сарское городище. Ростов Ярославский, 1928.

Информация об авторах | Author information

Фомин Вячеслав Васильевич¹, д. ист. н., проф.

¹ Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского

Fomin Vyacheslav Vasil'evich¹, Dr

¹ Lipetsk State Pedagogical P. P. Semenov-Tyan-Shansky University

¹ vfominv@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 11.10.2021; опубликовано (published): 15.11.2021.

Ключевые слова (keywords): норманизм; ультра-норманизм; великодержавный шовинизм; советский анти-норманизм; Normanism; ultra-Normanism; great-power chauvinism; Soviet anti-Normanism.